

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 26—35.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 26—35.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

DOI: 10.46726/И.2022.4.3

АНТИЧНЫЙ КОД В СТИХОТВОРЕНИИ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА «ДОМ»

Наталья Геннадьевна Коптелова

Костромской государственной университет,
г. Кострома, Россия, nkoptelova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы действия античного кода, присутствующего в стихотворении Ходасевича «Дом» (сборник «Путём зерна» (1920)). Характеризуются его функции и способы художественного воплощения. Отмечается, что философская концепция, репрезентированная в стихотворении «Дом», во многом солидаризируется с античным толкованием категории «судьбы». Доказывается, что мотив кощунственного нарушения тайны личностного существования, прозвучавший в «Доме», затем станет центральным и в очерке Ходасевича «Помпейский ужас» (1925). Картина катастрофических разрушений как в стихотворении, так и в очерке ассоциируется с «Аидом современности» и характеризуется автором как напоминание о вечно возвращающемся «античном сумраке». В четвёртой части стихотворения «Дом» Ходасевич переосмысливает концепцию «четырёх стихий» («воздуха», «воды», «земли» и «огня»), восходящую к натурфилософии античности и весьма востребованную в мировой литературе. Одновременно поэт вводит в структуру традиционных представлений о «стихиях» как первоэлементах мироздания отголосок античного мифа о саламандре, живущей в огне, а также свою авторскую мифопоэтическую «версию» о «пятой стихии», «времени». В статье делается вывод о том, что античный код в стихотворении «Дом» выполняет не только смыслообразующую, но и коммуникативную функцию. Он диалогически взаимодействует с другими культурными кодами: библейским, пушкинским, постсимволистским. Кроме того, античный код также даёт импульс индивидуально-авторскому мифотворчеству Ходасевича.

Ключевые слова: Ходасевич, античный код, лирическое стихотворение «Дом», очерк «Помпейский ужас», миф, взаимодействие культурных кодов

Для цитирования: Коптелова Н.Г. Античный код в стихотворении В.Ф. Ходасевича «Дом» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 26—35.

Original article

ANTIQUÉ CODE IN V.F. KHODASEVICH'S POEM "HOUSE"

Nataliya G. Koptelova

Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation, nkoptelova@yandex.ru

Abstract. The article discusses the mechanisms of action of the antique code present in Khodasevich's poem "House" (collection "By the Way of Grain" (1920)). Its functions and ways of artistic embodiment are characterized. It is noted that the philosophical concept represented in the poem "House" is largely in solidarity with the ancient interpretation of the category of "fate". It is proved that the motif of the blasphemous violation of the secret of personal existence, voiced in The House, will later become central in Khodasevich's essay "The Horror of Pompeii" (1925). The picture of catastrophic destruction both in the poem and in the essay is associated with the "Hades of Modernity" and is characterized by the author as a reminder of the ever-returning "antique twilight". In the fourth part of the poem "House" Khodasevich rethinks the concept of "four elements" ("air", "water", "earth" and "fire"), which goes back to the natural philosophy of antiquity and is in great demand in world literature. At the same time, the poet introduces into the structure of traditional ideas about the "elements" as the primary elements of the universe, an echo of the ancient myth about the salamander living in fire, as well as his own mythopoetic "version" about the "fifth element", "time". The article concludes that the antique code in the poem "House" performs not only a semantic, but also a communicative function. It dialogically interacts with other cultural codes: biblical, Pushkin's, post-symbolist. In addition, the antique code also gives impetus to the individual author's myth-making of Khodasevich.

Keywords: Khodasevich, antique code, lyric poem "House", essay "The Horror of Pompeii", myth, interaction of cultural codes

For citation: Koptelova N.G. Antique code in V.F. Khodasevich's poem "House", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 26—35.

Подобно многим русским поэтам, в своём творчестве В.Ф. Ходасевич ведёт диалог с традициями античной культуры. Он достаточно активно осваивает образы и мотивы античной мифологии: древнегреческие и римские. В его произведениях фигурируют некоторые античные имена и названия: «Психея», «Орфей», «Вакх», «Пан», «Афродита», «Дарий», «музыка сфер», «Помпейский ужас», «лары», «Сатурн» и т. д.

Современные исследователи не раз обращались к рассмотрению вопроса о роли античности в художественном мире Ходасевича. Например, Е.В. Болнова проследила процесс художественной трансформации в лирике Ходасевича «символистского мифа об Орфее» [Болнова]. Е.Ю. Куликова охарактеризовала творческую модификацию орфического сюжета в его очерке «Помпейский ужас» [Куликова]. В.В. Зельченко показал особенности лирического преломления в стихах Ходасевича образов Вакха [Зельченко 2012] и Дария, а также пифагорейской концепции «музыки сфер» [Зельченко 2019: 76—87]. О.А. Лавшук соотнесла «Памятник» Ходасевича с одноимённым стихотворением Горация [Лавшук]. О.И. Федотов проанализировал варианты имитации в поэзии упомянутого автора античной метрики и силлабики [Федотов]. Однако особенности рецепции античного культурного наследия в творчестве Ходасевича, весьма многоплановой и по содержанию, и по форме,

раскрыты литературоведами ещё далеко не исчерпывающе. Несомненно, в его поэзии наряду с другими культурными кодами значим и античный код, определяющий некоторые аспекты лиризма и глубинные смыслы стихов. В понимании категории литературного кода мы идём от положений, сформулированных Ю.М. Лотманом [Лотман: 11—22] и учитываемых современными учёными [Чернец]. Методологическим ориентиром для нас является мысль, отчётливо выраженная Л.В. Чернец: «“разработка” понятия код <...> помогает конкретнее изучить проблему литературной преемственности» [Чернец: 22].

В предложенной статье мы рассмотрим механизмы действия античного кода, репрезентированного в стихотворении Ходасевича «Дом», вошедшем в сборник «Путём зерна» (1920); охарактеризуем его содержание, функции и способы художественного воплощения.

Архетип дома становится композиционным центром уже во втором лирическом сборнике Ходасевича «Счастливый домик» (1914), отмеченном влиянием пушкинской традиции [Сурат], [Богомолов]. Именно в стихотворении «Дом», включённом в сборник «Путём зерна», обозначается кульминация развития образа дома в контексте творчества поэта. В этом произведении «возникает символический мотив семейного “гнезда”, разорённого и разрушенного смерчем времени» [Коптелова 2014: 14].

Несомненно, слово «домик», интонационно акцентированное в первой строке стихотворения «Дом», ассоциативно перекликается с образом «счастливого домика», созданным во втором лирическом сборнике Ходасевича (1914) и символизирующим психологическое убежище: «Здесь домик был. Недавно разобрали / Верх на дрова <...>» [Ходасевич 2009: 109]. В то же время в этой перекличке явно транслируется и творческая полемика автора с собственными упованиями на создание уютного и гармоничного домашнего пространства, подпитанная постоянным философским диалогом с Пушкиным [Коптелова 2021: 130—131]. Предметом творческой рефлексии Ходасевича-поэта становятся мотивы пушкинских поэм «Домик в Коломне» и «Медный всадник». О них он рассуждал и в своей критической статье «Петербургские повести Пушкина» (1915) [Ходасевич 1915]. Примечательно, что в интерпретации Ходасевича-критика единый конфликт, запечатлённый во всех пушкинских произведениях, приближается к типу конфликта античной трагедии, основанного на столкновении воли человека и судьбы: «Силы неведомые, нежданые и враждебные не дают жизни простых и смиренных людей течь беспрепятственно. Они непрошено вторгаются в эту жизнь, как кто-то, нанявшийся в кухарки к коломенской вдове; они врываются, как Варфоломей ворвался в уединённый домик на Васильевском; они рушат и сносят всё на своём пути, как воды, разрушившие домик Параши и её матери» [Ходасевич 1915: 43]. Вслед за Пушкиным в стихотворении «Дом» Ходасевич также ставит в центр лирического повествования коллизию, вызванную вмешательством в жизнь отдельной личности, в мир неповторимого частного существования, «неведомых и враждебных сил», находящихся «вне доступного» человеку «поля действия» [Ходасевич 1915: 43]. Иными словами, поэт, по сути, во многом солидаризируется с античным толкованием категории «судьбы». Как отмечают А.А. Тахо-Годи и А.Ф. Лосев, «древнейшее понимание судьбы связано с представлением о неведомом, неожиданном, не имеющем названия демоническом проявлении» [Тахо-Годи, Лосев: 123]. Нечто подобное видит Ходасевич и в «петербургских повестях» Пушкина, об этом он пишет и в своём стихотворении «Дом».

Показательно, что в стихотворении Ходасевича вторжение «неведомых и враждебных сил» приводит не только к полному разрушению дома как строения, но и бесцеремонно открывает те стороны интимной жизни людей, которые обычно принято скрывать от постороннего любопытного взгляда:

<...> Затхлый холод
Идёт от груды мусора и щебня,
Засыпавшего комнаты, где прежде
Гнездились люди...
Где ссорились, мирились, где в чулке
Замызганные деньги припасались
Про чёрный день; где в духоте и мраке
Супруги обнимались; где потели
В жару больные; где рождались люди
И умирали скрытно, — всё теперь
Прохожему открыто. <...> [Ходасевич 2009: 109—110].

Мотив кощунственного нарушения тайны личностного существования, прозвучавший в стихотворении «Дом», затем станет стержневым и в очерке Ходасевича «Помпейский ужас» (1925): «Здесь собрана часть утвари, найденной при раскопках: блюда, миски, оружие, баночки для румян, дверные замки, статуэтки» [Ходасевич 1997: 34]. Но он дополнится и другими смысловыми обертонами. В очерке Ходасевич выразил своё потрясение тем, что в «маленьком музее» Помпеи становится общим достоянием не только глубоко потаённая личная жизнь, но и «неблаголепная смерть» [там же: 37] жителей маленького итальянского городка: «Здесь вскрываются “тайны гроба”. Здесь насилуется целомудрие могилы, её единственное право — право на сокровенность» [там же: 34]. Картина катастрофических разрушений, в стихотворении Ходасевича воссозданная впечатлительным лирическим субъектом, а в очерке реконструированная благодаря эмоциональной чуткости и богатству воображения повествователя, ассоциируется с «Аидом современности» [Куликова] и характеризуется автором как напоминание о вечно возвращающемся «античном сумраке» [там же: 38].

Лирический герой Ходасевича воспринимает разрушение дома как воистину вселенскую катастрофу. Случившееся в стихотворении «Дом» описывается с использованием «античной оптики», как своего рода «помпейский ужас». Неслучайно даже «рухнувшая балка» «домика» кажется лирическому субъекту «колонной»: «Рухнувшая балка / Похожа на колонну» [Ходасевич 2009: 109]. О «рядях торжественных колонн», равно подверженных разрушению, как и «двери» «лачуги», поэт упоминает и далее [Ходасевич 2009: 110]. Семантика образа колонны, повторяющегося в стихотворении, несомненно, содержит в себе коннотацию, восходящую к античной культуре. Ведь именно в архитектуре древних греков и римлян, как точно указывает Е.Н. Поляков, этот элемент был широко распространён и имел космологический смысл [Поляков: 9—19, 20—23]. Исследователь, в частности, отмечает: «Гомер был уверен, что основание небесного купола опирается на колонны, установленные титаном Атлантом. <...> То есть в VII в. до н. э. греки представляли вселенную в виде огромной ротонды» [там же: 16].

Во втором абзаце стихотворения Ходасевича описание обломков дома парадоксально переходит в картину бесконечного космического пространства, нарисованную «лирическим повествователем с интонацией эпической торжественности» [Коптелова 2021: 131]:

Вот лестница с узором
 Поломанных перил уходит в небо,
 И, обрываясь, верхняя площадка,
 Мне кажется трибуною высокой.
 Но нет на ней оратора. – А в небе
 Уже горит вечерняя звезда.
 Водительница гордого раздумья [Ходасевич 2009: 110].

Однако благодаря вмешательству горькой иронии текст этой строфы становится многозначным. Представляется, что в данном поэтическом отрывке Ходасевич переключает античный код в иную культурную систему координат: он обращается к библейской традиции. Поэт буквально «перелицовывает» ветхозаветный символ лестницы, соединяющей землю и небо и явленной в откровении Иакова (Ветхий Завет: Бытие: глава 28). Он пародийно осовременивает его и тем самым лишает сакрального смысла: у лестницы, уходящей в небо, «поломаны перила» [Ходасевич 2009: 110]. А воззвание Бога к Иакову («И вот, Господь стоит на ней и говорит...») (Ветхий Завет: Бытие: глава 28) вообще замещается саркастически окрашенным мотивом «высокой трибуны», на которой нет «оратора» [Ходасевич 2009: 110].

Третья строфа стихотворения Ходасевича «Дом» явно полемизирует с первой строфой. Отторжение лирического субъекта от беспощадной эпохи, его неподдельная душевная боль от мысли о разрушении дома неожиданно сменяется трагической и парадоксальной «хвалой времени»: «Да, хорошо ты, время. Хорошо / Вдохнуть от твоего ужасного простора» [Ходасевич 2009: 110]. В самой природе человека Ходасевич видит скрытую и дерзкую «жажду пойти навстречу неведомой силе» [Ходасевич 1915: 45], проявляемой в страшных и опасных для него событиях, в апокалиптическом ритме времени, чтобы испытать необъяснимый восторг:

К чему таиться? Сердце человекье
 Играет, как проснувшийся младенец,
 Когда война, иль мор, или мятеж
 Вдруг налетят и землю сотрясают;
 Тут разверзаются как небо, времена —
 И человек душой неутолимой
 Бросается в желанную пучину [Ходасевич 2009: 110].

Думается, эти философские размышления во многом навеяны ассоциацией, восходящей к античной теме соперничества человека с судьбой. Но эта ассоциация обогащена и поэтической интуицией Пушкина, выраженной в «Пире во время чумы»: «Всё, всё, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Незъяснимы наслажденья — / Бессмертья, может быть, залог!» [Ходасевич 1915: 45]. По признанию самого Ходасевича, эти пушкинские строчки в своё время поразили его своей провидческой гениальностью. Кроме того, античная реминисценция, в контексте стихотворения определяющая вектор движения поэтической мысли автора, в определённой мере переключается ещё с блоковским и даже общесимволистским поклонением «стихии», отеснившей «культуру» [Минц: 490—493]. Таким образом, смысловая полифония стихотворения «Дом» обеспечивается тем, что в его образной структуре сопрягаются и взаимодействуют пушкинские реминисценции, постсимволистские ориентации, библейские ассоциации и античные элементы. В итоге античный код вступает в диалог-согласие с другими культурными кодами.

В четвёртой части стихотворения «Дом» античный код проявляется особенно отчётливо. В ней Ходасевич создаёт свой миф о времени, переосмысливая концепцию «четырёх стихий» («воздуха», «воды», «земли» и «огня»), восходящую к натурфилософии античности и весьма востребованную в мировой литературе [Поляков: 25], [Третьяков: 42—47]. Одновременно поэт вводит в структуру традиционных представлений о «стихиях» как первоэлементах мироздания отголосок поверья о саламандре, способной жить в огне. Это поверье было предметом рефлексии ещё в работах Плиния Старшего и Аристотеля [Трессидер: 320]. В свою очередь, на фундаменте лирически освоенного античного мировоззрения Ходасевич и выстраивает свою авторскую мифопоэтическую «версию» о «пятой стихии», «времени», — среде обитания, органичной только для человека:

Как птица в воздухе, как рыба в океане,
 Как скользкий червь в сырых пластах земли,
 Как саламандра в пламени — так человек
 Во времени. <...> [Ходасевич 2009: 110—111].

Таким образом, в этой композиционной части стихотворения Ходасевич сознательно соотносит античный код с собственным мифотворчеством. При этом, согласно его художественной философии, человек не только пытается измерить бездну времени, но и своевольно чередует в историческом потоке разрушение и созидание, испытывая одновременно и «ужас», и «тайное сладострастье»: «<...> Человеку / Ломать и строить — равная улада: / Он изобрёл историю — он счастлив!» [Ходасевич 2009: 111].

В своеобразном эпилоге стихотворения показано, как лирический герой вместе с «горбатой старухой» покорно и смиренно разбирает останки разрушенного дома, словно расчищая место для нового строительства. Сцена, рисующая совместную «работу» повествователя и «старухи», уничтожающей последние приметы бывшего человеческого жилища, отличается точным описанием жестов и движений лирических персонажей, предельной конкретизацией визуальных и звуковых деталей [Коптелова: 132]:

Но вот —
 Шуршат шаги. Горбатая старуха
 С большим кулём. Морщинистой рукой
 Она со стен сдирает паклю, драпки
 Выдёргивает, молча подхожу
 И помогаю ей, и мы в согласьи добром
 Работаем для времени. <...> [Ходасевич 2009: 111].

Однако в облике «горбатой старухи», описанном столь реалистично, проступают черты греческой богини судьбы, мойры Атропос (парки Морты — у древних римлян), по словам А.Ф. Лосева, неотвратимо приближающей будущее и обрывающей земное существование человека [Лосев: 169], [Тахо-Годи, Лосев: 90]. При этом античная аллегория обрезания нити жизни творчески расшифровывается Ходасевичем и претворяется в мотиве разбора обломков разрушенного дома. Приятие трагической утраты дома для лирического героя мотивируется осознанием непреодолимого закона времени, пониманием того, что из этой предназначенной ему «стихии», а в конечном счёте, судьбы в античном толковании, человек не волен вырваться, а может ей только

подчиниться. Как видим, Ходасевич интуитивно постигает диалектику античного понимания «судьбы», о которой писал Лосев: «Античная судьба не есть только предмет слепой веры, не есть только стихия жизни, вызывающая ужас и трепет. <...> судьба для античного человека <...> есть ещё прекрасная и самодовлеюще-успокоительная картина жизни» [Тахо-Годи, Лосев: 389].

Примечательно, что вывод в финале стихотворения «Дом» в смысловом отношении отчётливо перекликается с итогом стихотворения «Жеманницы былых годов...» (раздел «Пленные шумы» в сборнике «Счастливый домик»). В упомянутом произведении доминирует «мотив отказа от дома-усадыбы прошлых веков как символа обветшавшего и давно ушедшего прошлого» [Коптелова 2014: 12]: «И сладко было мне сознание, / Что мир ваш навсегда исчез / И с ним его очарованье» [Ходасевич 2009: 64]. Как и в стихотворении «Дом», лирический субъект Ходасевича здесь «мысленно устремляется в будущее»: «О, пусть отныне жизнь мою / Одно грядущее волнует» [Коптелова 2014: 12]. Несмотря на разрушение и утрату дома-усадыбы, былого «дворянского гнезда», являвшегося символом культуры XIX столетия («Я думал: в грустном сем краю / Уже полвека всё пустует») [Ходасевич 2009: 64], лирический герой всё-таки слагает гимн Сатурну, в римской мифологии — неумолимому, всесильному и беспощадному богу времени, как созидающему, так и разрушающему:

Блажен, кто средь разбитых урн,
На невозделанной куртине,
Прославит твой полёт Сатурн,
Сквозь многозвёздные пустыни! [Ходасевич 2009: 64].

Образ Сатурна, отождествляемый в сознании древних римлян с «семенем, возвратившимся в породившую его землю» [Штаерман: 417], в данном поэтическом контексте не только раскрывает тему власти времени, но и имплицитно содержит в себе символику умирающего и прорастающего зерна. Эта символика пронизывает всё смысловое пространство сборника «Путём зерна» и интерпретируется Ходасевичем преимущественно в христианском ключе, но, как видим, она включает и коннотацию, восходящую к античному миропониманию.

Таким образом, в стихотворении «Дом» античный код выполняет не только смыслообразующую, но и коммуникативную функцию, становясь инструментом творческой преемственности. Он диалогически взаимодействует с другими культурными кодами: библейским, пушкинским, постсимволистским, а также даёт импульс индивидуально-авторскому мифотворчеству Ходасевича.

Важно, что в сборнике «Путём зерна» стихотворение «Дом» следует сразу же за стихотворением «Обезьяна», в котором, как убедительно показал В. Зельченко, античные реминисценции выполняют весьма существенную смыслообразующую функцию [Зельченко 2019: 76—87]. В «Доме» так же, как и в «Обезьяне», сплавляются повествовательность, изощрённая изобразительность и установка на глубокий анализ изображённых событий. В итоге стихотворение «Дом» как бы подхватывает и развивает авторскую философию, выраженную в «Обезьяне» и во многом художественно преломляющую отголоски античного миропонимания. В конечном счёте, античный код скрепляет эти произведения Ходасевича, образующие своеобразный поэтический диптих.

Список литературы / References

- Богомолов Н.А. Рецепция пушкинской эпохи в лирике В.Ф. Ходасевича // Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999. С. 359—375.
(Bogomolov N.A. Reception of the Pushkin era in the lyrics of V.F. Khodasevich, *Bogomolov N.A. Russian Literature of the First Third of the 20th Century: Portraits. Problems. Searches*, Tomsk, 1999, pp. 359—375. — In Russ.)
- Болнова Е.В. Разрушение «символистского мифа об Орфее» в творчестве В. Ходасевича // Грехнёвские чтения: Литературное произведение в системе контекстов / отв. ред. И.С. Юхнова. Нижний Новгород: Книги, 2017. Вып. 7. С. 194—207.
(Bolnova E.V. The destruction of the “symbolist myth of Orpheus” in the works of V. Khodasevich, *Grekhnev's readings: Literary work in the system of contexts*, ed. by I.S. Yukhnova, Nizhny Novgorod, 2017, iss. 7, pp. 194—207. — In Russ.)
- Зельченко В.В. О «Вакхе» В.Ф. Ходасевича // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana; Дмитрий Буланин, 2012. Вып. 4. С. 350—356.
(Zel'chenko V.V. About “Bacchus” by V.F. Khodasevich, *The Ancient World and we: Classical Heritage in Europe and Russia: Almanac*, Saint-Petersburg, 2012, iss. 4, pp. 350—356. — In Russ.)
- Зельченко В. Стихотворение Владислава Ходасевича «Обезьяна»: Комментарий. М.: Новое издательство, 2019. 146 с.
(Zel'chenko V. Poem by Vladislav Khodasevich “Monkey”: Commentary, Moscow, 2019, 146 p. — In Russ.)
- Коптелова Н.Г. Интерпретация образа дома в поэтическом сборнике В.Ф. Ходасевича «Путём зерна» // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 3. С. 125—137.
(Koptelova N.G. Interpretation of the Image of Home in the Collection of Poems by V.F. Khodasevich “By The Way of Grain”, *Philological Class*, 2021, vol. 26, no. 3, pp. 125—137. — In Russ.)
- Коптелова Н.Г. Образ дома в лирике В.Ф. Ходасевича (на материале сборника «Счастливый домик») // Костромской гуманитарный вестник. 2014. № 1 (7). С. 8—14.
(Koptelova N.G. The Image of the House in the Lyrics of V.F. Khodasevich (Based on the Collection “A Happy House”), *Kostroma humanitarian bulletin*, 2014, no. 1 (7), pp. 8—14. — In Russ.)
- Куликова Е.Ю. «Экскурсия» в Аид (Орфический сюжет в очерке В. Ходасевича «Помпейский ужас») // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: сборник науч. трудов. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2004. С. 139—151.
(Kulikova E.Ju. “Excursion” to Hades (Orphic plot in V. Khodasevich’s essay “Pompeian Horror”), *Materials for the dictionary of plots and motives of Russian literature: a collection of scientific works*, Novosibirsk, 2004, pp. 139—151. — In Russ.)
- Лавшук О.А. Пушкинская поэтическая традиция в творчестве В. Ходасевича и И. Бродского // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи: сб. науч. тр. по итогам Международной конференции, 23—24 июня, 2009 г. Ч. 2: Литература Русского зарубежья и продолжатели традиций / ред.-сост. В.А. Скрипкина. М.: МГОУ, 2010. С. 122—129.
(Lavshuk O.A. Pushkin's poetic tradition in the work of V. Khodasevich and I. Brodsky, *Verbal art of the Silver Age and the Russian Diaspora in the context of the era: a collection of scientific papers based on the results of the International Conference*,

June 23—24, 2009, vol. 2: Literature of the Russian Diaspora and Followers of Traditions, ed. by V.A. Skripkina, Moscow, 2010, pp. 122—129. — In Russ.)

Лосев А.Ф. Мойры // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2: К—Я. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 189.

(Losev A.F. Moira, *Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 vols., vol. 2: K—Ya*, ed. by S.A. Tokarev, Moscow, 1982, p. 189. — In Russ.)

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

(Lotman Ju.M. Inside thinking worlds. Human — text — semiosphere — history, Moscow, 1996, 464 p. — In Russ.)

Минц З.Г. Блок и русский символизм // Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство—СПБ, 2000. С. 456—536.

(Mints Z.G. Blok and the Russian Symbolism, *Mints Z.G. Alexander Blok and Russian writers*, Saint Petersburg, 2000, pp. 456—536. — In Russ.)

Поляков Е.Н. Мифологические представления античных народов о строении вселенной // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2012. № 2 (35). С. 9—27.

(Poljakov E.N. Mythological representations of ancient peoples about the structure of the universe, *Bulletin of the Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering*, 2012, no. 2 (35), pp. 9—27. — In Russ.)

Сурат И.З. Пушкинист Владислав Ходасевич. М.: Лабиринт, 1994. 111 с.

(Surat I.Z. Vladislav Khodasevich as a Specialist in Pushkin's Creativity, Moscow, 1994, 111 p. — In Russ.)

Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах / сост. и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. СПб.: Алетейя, 1999. 710 с.

(Taho-Godi A.A., Losev A.F. Greek culture in myths, symbols and terms, general, ed. by A.A. Taho-Godi, Saint Petersburg, 1999, 710 p. — In Russ.)

Трессидер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.

(Tressider Dzh. The Dictionary of Symbols, transl. from English S. Palko, Moscow, 1999, 448 p. — In Russ.)

Третьяков Е.О. Философия и поэтика четырёх стихий в творческой системе Н.В. Гоголя / науч. ред. А.С. Янушкевич. Томск: STT, 2015. 354 с.

(Tret'yakov E.O. The Philosophy and Poetics of the Four Elements in the Creative System of N.V. Gogol, ed. by A.S. Yanushkevich, Tomsk, 2015, 354 p. — In Russ.)

Федотов О.И. Метрика и ритмика Владислава Ходасевича. Имитация античной метрики и силлабики // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. Кн. 2. С. 180—191.

(Fedotov O.I. Metrics and rhythmicity by Vladislav Khodasevich. Imitation of ancient metrics and syllabics, *Scientific notes of Kazan State University. Series: Humanities*, 2007, vol. 149, book 2, pp. 180—191. — In Russ.)

Ходасевич В. Петербургские повести Пушкина // Аполлон. 1915. № 3. С. 33—50.

(Khodasevich V. Petersburg's Tales of Pushkin, *Apollon*, 1915, no. 3, pp. 33—50. — In Russ.)

Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 3: Проза. Державин. О Пушкине. 592 с.

(Khodasevich V. F. Collected Works: in 4 vols., Moscow, 1997, vol. 3: Prose, Derzhavin, About Pushkin, 592 p. — In Russ.)

Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. / сост., подгот. текста и коммент. Дж. Малмстада и Р. Хьюза; вступит. ст. Дж. Малмстада. Т. 1: Полное собрание стихотворений. М.: Русский путь, 2009. 648 с.

(Khodasevich V.F. Collected Works: in 8 vols., vol. 1: Complete collection of poems, ed. by J. Malmstad and R. Hughes, Moscow, 2009, 648 p. — In Russ.)

Чернец Л.В. О понятии «код» в литературоведении и о пейзаже в произведениях И.С. Тургенева // Тургеневские чтения: сборник статей. Вып. 7 / сост. Т.Е. Коробкина, Е.Г. Петраш; науч. ред. Е.Г. Петраш. М.: Экон-Информ, 2018. С. 17—29.

(Chernec L.V. About the concept of “code” in literary studies and about the landscape in the works of I.S. Turgenev, *The Turgenev readings: a collection of article*, ed. by E.G. Petrash, Moscow, 2018, iss. 7, pp. 17—29. — In Russ.)

Штаерман Е.М. Сатурн // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2: К—Я. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 417.

(Shtaerman E. M. Saturn, *Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 vols.*, vol. 2: K—Ya, ed. by S.A. Tokarev, Moscow, 1982, p. 147. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.08.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 17.08.2022; approved after reviewing 20.08.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Коптелова Наталия Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия, nkoptelova@yandex.ru

Koptelova Nataliya Gennad'evna — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Professor at the Department of Russian Philology, Institute of Humanities and Social Technologies, Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation, nkoptelova@yandex.ru